Кора Рейли

Лука Витиелло

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Р35

Cora Reilly
LUCA VITIELLO

Серия «Рожденные в крови»

Печатается с разрешения литературных агентств
Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg

Перевод с английского *Елены Теплоуховой*
Оформление обложки *Влада Воронина*

Рейли, Кора.

Р35 Лука Витиелло: [роман] / Кора Рейли; — [перевод с английского Теплоуховой Е.]. — Москва : Издательство АСТ, 2027. — 384 с. — (Рожденные в крови).

ISBN 978-5-17-163448-3

Жестокость — это яд, разъедающий изнутри.

Лука Витиелло был рожден, чтобы стать Доном Семьи и править Нью-Йорком без жалости и сомнений.

Его с детства учили не показывать слабость, причинять и терпеть боль. И он отлично усвоил уроки. В одиннадцать лет он совершил свое первое убийство и стал посвященным членом Коза Ностры.

Отец ждал, что Лука во всем пойдет по его стопам. И вырастет садистом, которому нравится издеваться над своими женщинами. Когда Ария Скудери, дочь консильери Синдиката, стала женой будущего Дона, все были уверены: Лука сломает девушку. Но свет Арии оказался сильнее мрака, к которому привыкла его душа. Теперь Лука готов на все, чтобы защитить молодую жену и сохранить брак.

Но сумеет ли такой монстр, как он, заплатить за счастье нужную цену?

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Это «Связанные честью» от лица Луки. Хотя здесь есть несколько новых сцен, сюжет в основном повторяет события первой части. Если вам хочется узнать, что творилось в голове у Луки, эта книга для вас!

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© 2019 Cora Reilly
© Теплоухова Е. перевод, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2027

ISBN 978-5-17-163448-3

От автора

Перед вами «Связанные честью» от лица Луки. Хотя здесь есть несколько новых сцен, сюжет в основном повторяет события первой части. Если вам хочется узнать, что творилось в голове у Луки, эта книга для вас!

Пролог

В одиннадцать лет я впервые убил человека, в семнадцать — придушил кузена.

Я — тот, кто без малейших угрызений совести купался в крови врагов, услаждая слух их предсмертными воплями, как какой-то ебучей сонатой Моцарта.

Монстрами не рождаются, монстрами становятся?

Полная хуйня.

Я таким родился. Жестокость, как яд, бурлила в венах у всех мужчин Витиелло, передаваясь от отца к сыну. Бесконечная спираль порока…

Родившись монстром, я стал настоящим чудовищем благодаря своему папаше, его крепким кулакам и грубым словам, его страсти пытать и резать людей.

Меня воспитывали как будущего Дона, чтобы я управлял без капли жалости и, не колеблясь ни секунды, жестоко наказывал.

Меня учили калечить людей.

Когда Арию отдали мне в жены, все с нетерпением ждали, как скоро я и ее сломаю, следуя по стопам своего отца, который издевался над всеми своими бабами. Ждали, что силой своей звериной ярости, безжалостной жестокости растопчу ее невинность.

Я легко мог бы ее сломать. Для меня это раз плюнуть.

Тому, кто родился монстром, кого вырастили монстром, придется быть монстром, чтобы стать Доном.

И мне доставляло удовольствие внушать страх окружающим.

Пока не появилась она — Ария.

Рядом с ней мне нет нужды скрывать свою тьму.

Ее свет куда сильнее моего мрака.

С ней я не хотел быть жестоким. Мне хотелось оградить ее от этой стороны своей личности.

Но я уже говорил: монстром я родился. Меня научили разрушать.

За то, чтобы не разрушить ее, придется заплатить.

Для чудовища вроде меня цена будет невероятно высока.

Глава 1

Лука, 9 лет

Не сводя глаз с двери, мы с Маттео сидели за обеденным столом в ожидании матери. Колокольчик к ужину давным-давно прозвенел.

Марианна, наша няня, стояла тут же, прислонившись к стене и бросая взгляды то на часы на буфете, то на нас. Отец редко ел вместе с нами, но мать не пропускала ужин, даже если с трудом стояла на ногах. Она никогда не опаздывала — на случай, если отец все же решит присоединиться.

Где же она?

Может, заболела?

Вчера она выглядела очень бледной, на лице и руках оставались синие и желтые синяки после отцовского наказания. Она частенько делала что-нибудь не так. С нашим отцом сделать «так» было трудно. То, что вчера считалось правильным, сегодня могло оказаться ошибкой. Нам с Маттео тоже нередко доставалось за то, что путали одно с другим.

Маттео взял нож и сунул его в тарелку с остывшим пюре, а затем запихнул лезвие с картошкой в рот.

— Когда-нибудь ты порежешься, — возмутилась и цокнула языком Марианна.

Маттео, упрямо вздернув подбородок, снова положил пюре на нож и облизал его.

— Не порежусь.

Я оттолкнул стул и встал. Мне не разрешали выходить из-за стола, пока не доем, но поскольку отца дома не было, а Маттео младше меня на два года, хозяином считался я.

Марианна дернулась в мою сторону.

— Лука, тебе нельзя… — Увидев выражение моего лица, она заткнулась.

Я похож на отца, поэтому меня Марианна боялась больше, чем Маттео. Поэтому, и еще из-за того, что скоро стану Доном. Тогда я сам буду наказывать всякого, кто сделает что-нибудь не так.

Я прошел через холл и поднялся по лестнице, Марианна за мной не пошла.

— Мама? Ужин готов!

Тишина. Я шагнул на площадку и подошел к спальне матери. Дверь оказалась приоткрыта. В прошлый раз, когда мать не спустилась к ужину, я нашел ее рыдающей в кровати. Но сейчас изнутри не доносилось ни звука. Открыв дверь, я судорожно сглотнул. Было слишком тихо. Из открытой двери ванной комнаты тянулся луч света.

Снизу послышался голос отца, вернувшегося с работы. Наверняка он разозлится, не застав меня за столом. Лучше было бы спуститься вниз и попросить прощения, но ноги сами понесли меня к свету.

Наши ванные комнаты были облицованы каррарским мрамором светлого, почти белого оттенка, но почему-то сейчас из маминой ванны исходило розовое свечение. Переступив порог, я застыл. Пол был залит кровью. Я видел ее достаточно много раз, поэтому узнал. А еще узнал запах крови — немного меди, немного сладости. Сегодня он казался еще слаще из-за того, что смешался с ароматом маминых духов.

Взгляд скользнул по кровавой реке, поднялся по подсохшей струе красных пятен на белой стенке ванной и остановился на безжизненно свисающей руке. Белая плоть разошлась, обнажив нечто темно-красное.

Рука принадлежала матери. Это точно была моя мама, хоть она и казалась незнакомкой. Потухшие карие глаза неподвижно смотрели на меня. Ее взгляд был полон грусти и одиночества.

Я сделал несколько осторожных шажков вперед.

— Мама? — еще шаг. — *Мам*?

Она не отвечала. Мама была мертва. Мертва. На полу я заметил нож — один из ножей Маттео. Черный керамбит. Своего оружия у нее не было.

Она порезалась. Это ее кровь. Опустив взгляд, я заметил, что мои носки пропитались красной жидкостью. Закричав, дернулся назад, но не удержав равновесия, поскользнулся и упал. Я больно ударился копчиком о мрамор. Одежда тут же пропиталась кровью и прилипла к телу. Вскочив на ноги, я с разинутым ртом опрометью бросился прочь. В висках стучало, глаза щипало. В дверях я врезался во что-то. Подняв голову, увидел разъяренного отца. Он ударил меня наотмашь по лицу и гаркнул:

— Хватит кричать!

Я сжал губы. Я разве кричал? Моргая, посмотрел на отца, но его лицо расплывалось.

Отец схватил меня за шкирку и начал трясти.

— Ты чего мне тут нюни распустил?

Я знал, что в нашем доме плакать запрещено. Я никогда не ревел, даже когда отец меня наказывал. Он ударил еще сильнее.

— Отвечай!

— Мама умерла, — просипел я.

Отец нахмурился, только теперь заметив кровь на моей одежде.

— Иди за мной, — приказал он.

В коридоре я заметил двух телохранителей. Они както странно смотрели на меня.

Я не двинулся с места.

— Лука, шевелись, — прошипел отец.

— Не надо, прошу, — взмолился я, нарушив еще один запрет — просить. — Я не хочу на нее смотреть!

Лицо отца перекосило от ярости, и я напрягся. Нависнув надо мной, он схватил меня за руку.

— Никогда! Чтобы я никогда больше не слышал от тебя этого слова. И никаких слез. Ни одной мерзкой слезинки, иначе я выжгу тебе левый глаз. Мафиози ты можешь стать и с одним глазом.

Быстро закивав, я вытер тыльной стороной ладони глаза и не сопротивлялся, когда отец потащил меня в ванную. Я больше не плакал, глядя на тело в ванной. Всего лишь тело. Постепенно рев у меня в груди начал затихать. Это всего лишь тело.

— Ничтожество, — пробормотал отец. — Жалкая шлюха.

Я недоуменно нахмурился. Вне дома отец встречался со шлюхами, но мать не такая. Она его жена. Шлюхи могли ублажить отца, чтобы он потом не бил ее так сильно. Она мне так говорила. Но это не помогало...

— Первый! — закричал отец.

Вошел один из телохранителей. Отец не утруждал себя запоминанием имен обычных солдат. Вместо этого давал им номера.

Первый встал вплотную у меня за спиной и сжал мое плечо, пока отец с жестокой ухмылкой внимательно осматривал тело матери. Я уставился снизу вверх на телохранителя, удивляясь, зачем он это делает и что это значит, но тот смотрел только на отца, не обращая на меня внимания.

— Пришли кого-нибудь убрать здесь бардак и позвони Балдони. Пусть найдет мне новую жену.

Я не мог поверить.

— Новую жену?

Отец сощурил серые глаза. Такие же серые, как у меня.

— Переоденься и начни уже вести себя не как сопляк, а как подобает настоящему мужику! — Он замолчал и после паузы продолжил: — И приведи Маттео. Пусть посмотрит, какой трусливой шлюхой была его мамаша.

— Нет.

— Что ты сказал? — Отец уставился на меня.

— Нет, — повторил я дрожащим голосом. Маттео любил нашу мать. Ему будет больно.

Отец сердито посмотрел на руку, все еще лежащую на моем плече, а затем перевел взгляд на телохранителя.

— Первый, выбей из него эту дурь.

Первый, отдернув от меня руку и коротко скользнув по мне взглядом, приступил к исполнению приказа. Я рухнул на колени, опять скорчившись при виде маминой крови, и почти не чувствовал ударов. Мне только и оставалось, что рассматривать красные пятна на белом мраморе.

— Хватит! — прикрикнул отец, и удары прекратились. Я смотрел на него снизу вверх, в голове звенело, спина и живот ныли от боли. Отец долго сверлил меня взглядом, я в ответ упрямо не отводил глаза. Нет. Нет. Нет. Я не приведу Маттео. Ни за что. Пусть Первый изобьет меня до полусмерти. Я к боли привык.

Отец поджал губы.

— Второй! — позвал он другого телохранителя. — Приведи Маттео, а то Лука заляпает кровью новые персидские ковры.

Едва сдержав победную ухмылку, я попытался подняться, чтобы остановить Второго, но Первый крепко схватил меня за руку. Я сопротивлялся и почти вырвался, но тут в дверях появился Маттео, и я безвольно поник.

Карие глаза брата стали размером с блюдца, когда он увидел мать, кровь и свой нож рядом с ванной.

— Твоя мать тебя бросила. — Отец кивком указал на тело матери. — Покончила с собой.

Маттео смотрел, не проронив ни звука.

— Забери свой нож, — велел ему отец.

Маттео неуверенной походкой вошел в ванную, и Первый сильнее сжал мою руку. Отец перевел взгляд с меня на брата, который трясущимися руками поднял нож. Я ненавидел отца. Яростно ненавидел.

И ненавидел мать за то, что она нас бросила. За то, что сделала это.

— А теперь оба убирайтесь!

Маттео стоял как вкопанный, уставившись на окровавленный нож. Я схватил брата за руку и потащил в свою комнату. Когда мы доплелись до ванной, он все еще не сводил взгляда с ножа. Мне пришлось силой забрать орудие самоубийства. Я открыл кран и опустил нож под воду, чтобы смыть запекшуюся кровь. В глазах защипало, но я не поддался эмоциям.

Больше никаких слез. Никогда.

— Почему она взяла мой нож? — прошептал Маттео.

Я выключил воду, вытер нож полотенцем и вернул его брату. Немного помедлив, он покачал головой и попятился, пока не уперся в стену и не сполз по ней на пол.

— Почему? — бормотал он, и глаза его наполнились слезами.

— Не реви, — прошипел я, торопливо закрывая дверь ванной, опасаясь, что отцу вздумается зайти в мою комнату.

Маттео вздернул подбородок и сузил глаза, но все равно расплакался. Я нетерпеливо схватил полотенце и опустился на колени рядом с братом.

— Маттео, хватит. Прекрати, — прошептал я, сунув полотенце ему в лицо. — Вытри лицо, а то отец тебя накажет.

— Ну и пусть, — всхлипывал Маттео. — Мне все равно. — Но в его дрожащем голосе слышался ужас.

Я поглядывал на дверь, прислушиваясь к звуку шагов. Пока было тихо, если только отец не решил подкрасться, чтобы пошпионить за нами. Но, скорее всего, сейчас он

занят тем, что избавляется от тела матери. Может, прикажет своему консильери Бардони бросить ее в Гудзон. Меня передернуло.

— Держи полотенце! — рявкнул я.

Маттео наконец забрал у меня полотенце и быстро вытер покрасневшие глаза. Я протянул ему нож, но брат с опаской посмотрел на него.

— Бери.

Он поджал губы.

— Маттео, ты должен его взять.

Отец ни за что не разрешит его выбросить. Мой младший братишка все-таки послушался, протянул руку и пальцами обхватил рукоятку.

— Это просто нож, — произнес я, хотя сам по-прежнему видел на лезвии мамину кровь.

Маттео кивнул и сунул нож в карман. Мы уставились друг на друга.

— Теперь мы остались одни, — сказал он.

— Но зато мы есть друг у друга.

Стук в дверь прервал нас, и я быстро помог Маттео подняться на ноги. Дверь открылась, и на пороге появилась Марианна. Увидев нас, она на мгновение прикрыла глаза. Ее обычно аккуратно уложенные в пучок волосы сейчас торчали во все стороны, как будто она потеряла свою сеточку для волос.

— Хозяин послал меня убедиться, что вы готовы. Скоро приедет консильери. — Ее голос звучал как-то странно и незнакомо, а губы дрожали. Она переводила взгляд с меня на Маттео и обратно.

Я кивнул. Марианна приблизилась и коснулась моего плеча.

— Мне так жаль.

Я отступил назад, подальше от ее прикосновений, и с раздражением взглянул на няню. Это пренебрежительное и отстраненное поведение помогало не разреветься.

— Мне — нет, — пробормотал я. — Она была слабачкой.

Марианна отшатнулась, изменившись в лице.

— Поторопитесь, — перед уходом выдавила она.

Маттео вцепился своей ладошкой в мою руку.

— Я буду по ней скучать.

Я посмотрел на ноги и, увидев окровавленные носки, не стал отвечать, боясь проявить слабость. Мне нельзя быть слабаком. Больше никогда.

Чезаре со всей дури ударил меня кулаком в живот. Согнувшись пополам, я рухнул на колени. Марианна отложила в сторону вязание и заохала. Прежде чем противник успел нанести удар по голове, я быстро перекатился в сторону, вскочил на ноги и приготовился защищаться, сжимая кулаки.

Чезаре одобрительно кивнул.

— В следующий раз не отвлекайся.

Сжав зубы, я бросился в атаку, провел обманный апперкот, присел и ударил Чезаре в бок. Застонав от боли, он отскочил назад. С тех пор, как мне исполнилось три года, этот парень обучал меня рукопашному бою.

Чезаре отошел на безопасное расстояние.

— Когда подрастешь, станешь непобедим.

Я мечтал стать непобедимым прямо сейчас, чтобы отец больше не мог нас наказывать. Но несмотря на то, что я уже был выше и крепче большинства одноклассников, мне еще предстояло много работать для укрепления навыков. Я начал снимать перчатки.

Тем временем Чезаре повернулся к Маттео. Тот, задумавшись и подтянув колени к груди, сидел на краю боксерского ринга.

— Теперь твоя очередь.

Брат никак не отреагировал, уставившись в одну точку. Я бросил в него боксерскую перчатку. Он вскрикнул,